

"Свадьба Хатауэев"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Лиза Клейпас

Свадьба Хатауэйев

Глава 1

Июнь 1851

Гэмпшир, Англия

Кева Меррипена не удивляли дурные приметы, которые он замечал всё чаще по мере приближения дня их бракосочетания. Но он намеревался жениться на Уин, и никакие силы в мире не могли послужить этому преградой.

- Ничто не остановит нашу свадьбу, - сказал он, входя в спальню вечером накануне церемонии.
- Я женюсь на тебе, даже если молния ударит в церковь. Даже если Стоуни-Кросс поглотит потоп, или священник напьётся в стельку, или стадо обезумевших животных промчится через толпу гостей.

Насмешливо улыбаясь, Уиннифред убавила пламя в лампе и подошла к своему жениху.

- Я полагаю, ты волнуешься, что на нашей свадьбе что-то может пойти не так?

- Конечно. Это же свадьба Хатауэйев.

Несмотря на испытываемое недовольство, Кев почувствовал, как участился его пульс, а кровь бешено зашумела в жилах, когда Уин приблизилась к нему. Она была, словно ангел, её изящное тело пряталось под белоснежными кружевами и складками мягкого шёлка, а лёгкие светлые волосы свободными, блестящими волнами струились по спине. Он любил её со страстью, которая походила на поклонение... и всё же она была женщиной из плоти и крови, дарованной ему судьбой. Его женщиной. Было в Уин нечто такое, что с лёгкостью разрушало все его защитные барьеры и касалось самой потаённой части души.

Уин обвила Кева руками за шею и стала ласково перебирать пальчиками волосы у него на затылке. Она прильнула к своему встревоженному жениху, и её соблазнительные, мягкие формы сладко прижались к его крепкому телу.

- Что тебя беспокоит? - прошептала она.

Кев, замороженный игрой света в волосах Уин, провел губами по нежному, золотистому локону у неё на виске.

- Утром Беатрис нашла в лесу раненую сову и принесла её в дом.

- Бедняжка. Никто не поможет искалеченной птице лучше, чем наша Беатрис.

- Ты кое-что упустила, - сказал Кев, хмуро улыбаясь. - Совы - к несчастью.

- Я не верю в приметы, - Уин приподнялась на цыпочках и игриво потерлась своим изящным носиком о кончик носа своего жениха.

Кев заставил себя признаться ещё кое в чем.

- Сегодня краем глаза я увидел твое подвенечное платье, когда Амелия что-то подшивала на нём, сидя в комнате.

- Да, но ты же не видел меня в свадебном платье.

- Все равно - это плохой знак, - продолжал настаивать Кев. - А еще работница на ферме рассказала мне одно старинное стихотворение gadje (*Gadjo — люди, не являющиеся цыганами*) о выборе удачного дня для свадьбы, и суббота является самым худшим из всех.

- Я знаю это стихотворение. Понедельник - богатеть, Вторник - здороветь, Среда - сплошные удачи, Четверг - убытки, Пятница - пытки, Суббота - одни неудачи.

Кев одарил Уин коротким, хмурым взглядом.

- Ты знала это стихотворение, и всё равно выбрала субботу для нашей свадьбы?

- Альманах сказал, что это будет замечательный день, - возразила Уин, - и, кроме того, я не подумала о том, что ты веришь в приметы gadje.

- Я верю во всё, когда речь идёт о нашей свадьбе!

Уинн усмехнулась дразнящей улыбкой.

- Ты слишком суеверный.

Она подошла к кровати, чтобы расстелить её. Посмотрев на Кева пылким, дразнящим взглядом, Уин развязала пояс халата и стала медленно расстегивать длинный ряд маленьких пуговиц.

- Я уже твоя, Кев. И неважно, если на свадьбе что-то пойдет не так... Эта церемония - всего лишь простая формальность. Мы давно обменялись клятвами и исполнили их... или мне только приснилось, что совсем недавно ты украл меня прямо из этой кровати?

Как Уин и предполагала, напоминание об этом целиком завладело вниманием Кева.

- Ты не возражала, - сказал он, наблюдая за тем, как его невеста одну за другой расстегивает крошечные пуговички. В кружевном вырезе сорочки мелькнула её нежная грудь, и Меррипен, с трудом передвигаясь, медленно подошел к Уин.

- Разумеется, я не сопротивлялась. Долгие годы я пыталась заставить тебя обратить на себя внимание.

- Я всегда желал тебя, - выдохнул Кев низким, хриплым голосом.

- Я знаю. Но ты был таким упрямым.

Постепенно полы её сорочки распахнулись, приоткрыв взгляду мужчины нежную, бледную кожу.

Уин заметила реакцию Кева на своё маленькое сексуальное представление, и вспышка удовлетворения мелькнула в глазах девушки прежде, чем она сумела погасить её.

Кев прекрасно понимал, как ловко она управляет им своим особенным сладостным способом. Как цыган, он, вероятно, должен был возмутиться, но Кев был так сильно очарован её застенчивым соблазнением, что ничуть не возражал против такого желанного воздействия. Он привлек Уин к себе, стягивая мягкий шёлк и кружева с её плеч.

- В моём сердце ты уже - моя жена, - сказал он. - Но мне не будет покоя, пока ты не станешь ею по закону. Никогда ещё ни один мужчина не ждал дня своей свадьбы с таким нетерпением.

Кев прикрыл глаза, когда почувствовал, как трепетные губы Уин заскользили по его шее.

- А я столь же нетерпеливо жду нашу первую брачную ночь, - сказала Уин, затаив дыхание.

Кев рассмеялся тихим, грудным смехом.

- Почему? Ты думаешь, у меня припасено для тебя что-либо необычное, подходящее для такого случая?

Губы Кева расплылись в широкой улыбке, когда он ощутил, как Уин утвердительно кивнула головой, уткнувшись лицом в его шею.

- Возможно, я научу тебе кое-чему новому, - пробормотал он. - Есть вещи, которые мы с тобой ещё ни разу не пробовали.

Уин слегка отстранилась, чтобы взглянуть на Кева в наивном изумлении. Он выдержал её пристальный взгляд, и его улыбка стала ещё шире, когда он заметил, как очаровательно покраснели щеки девушки.

- Разве мы не сделали всего? - спросила она.

Кев отрицательно покачал головой.

Её румянец стал ярче, и Уин смущённо рассмеялась.

- Отлично, теперь уже я сердита на тебя. Я казалась себе такой искусенной и опытной, а теперь выясняется, что я - всё ещё новичок в любовных делах?

Кев продолжал улыбаться, любуясь её смущением.

- Я научу тебя большему, когда придёт время.

Это был восхитительный момент. Девушка стояла, крепко прижавшись обнаженным телом к полностью одетому Кеву, дыхания их смешались, а тишина между ними была теплой и провокационной.

- Научи меня прямо сейчас, - прошептала она.

- Отдаешь приказы? - пожурил её Кев, сверкнув тёмными глазами. - Цыганская жена должна учиться повиноваться своему мужу. Должно быть, я не упомянул об этом раньше, но... у цыган есть специальный обычай для брачной ночи.

- Обычай? - Уин слегка вздрогнула, когда горячая ладонь Кева заскользила по её телу и легла на обнаженное бедро.

Он кивнул.

- Муж берет одну из туфельки жены и ставит её на пол со своей стороны кровати.

- Для чего?

Кев ещё крепче сжал её бёдра.

- Чтобы показать ей, кто является хозяином.

Уин посмотрела на Кева, одарив его лукавой, дразнящей улыбкой.

- Ну это мы ещё посмотрим. Мои туфли мне очень дороги, и я не собираюсь так запросто отдавать их тебе.

Мужчина мягко провёл ртом по трепетным губкам Уин, скользнув по ним кончиком языка.

- Ты сдашься.

Уин приглушённо рассмеялась. Присев на край матраца, она восхищенно наблюдала за тем, как Кев стягивает с себя рубашку. Её пристальный взгляд скользил по его мускулистому торсу, по бронзовой, гладкой груди. Дыхание Уин участилось от волнения, когда Кев приблизился к ней.

Погрузив одну руку в водопад её длинных волос, Кев медленно потянул её голову назад. Он провел горячим ртом по шее Уин, скользя по ней языком, в то время как его вторая рука скользнула между её бедер. Он ласкал её, дразнил трепетную плоть, пока она не стала горячей и влажной, а затем два сильных мужских пальца с лёгкостью вошли внутрь. Кев накрыл губами тёплые, нежные уста Уин, и его язык глубоко погрузился в горячую сладость её рта. Девушка задрожала от возбуждения, и её захлестнул экстаз от этого одновременного проникновения.

- Кев, - сказала она прерывистым шёпотом, обнимая руками его обнажённую спину, - люби меня.

- Я делаю это всегда, - прошептал он в ответ, в то время как его пальцы скользили глубоко внутри тела Уин, даря ей сладостное удовольствие. - Ты моё сердце, моя вторая половинка, я понял эту в ту самую секунду, когда впервые увидел тебя.

- Я тоже, - сказала она, дрожа от наслаждения.

- Я всегда думаю о тебе... И всегда хочу тебя...

Лишив на мгновение Уин своих ласковых прикосновений, Кев уложил её на кровать. Он лежал рядом с ней, легонько поглаживая, ощущая кончиками пальцев малейшую дрожь её трепещущего тела. Кев склонился над её грудью и поймал губами розовый кончик соска, лизнув его языком, в то время как его руки путешествовали по телу Уин.

Она беспомощно выгнулась вверх, когда губы Кева заскользили вслед за руками, отыскивая потайные чувствительные местечки, прикосновение к которым дарило Уин невероятное блаженство. А затем он с силой вошел в неё, ощутив жар и пульсацию её бархатистой, сладостной плоти. Они вместе достигли пика наслаждения, и Кев, упиваясь тем, что они смогли разделить удовольствие на двоих, сдался на милость собственной безграничной страсти к Уин.

Глава 2

- Держи ее крепче, - пробормотал Кэм, обращаясь к Беатрис, когда они вместе склонились над искалеченной совой. - Если она высвободится, то навредит не только себе, но и нам. Её когти очень похожи на заточенные ножи.

- Ей необходимо за что-либо держаться, - спокойно сказала Беатрис, глядя, как судорожно сова сжимает и разжимает свои острые когти. - Амелия, ты сможешь раздобыть для нас какую-нибудь палку?

- Конечно.

Амелия поспешно вышла из комнаты на кухню, нашла там деревянную ложку и вернулась с ней к мужу и сестре. Они сидели на полу возле нахохлившейся желтовато-коричневой совы, которую Беатрис нашла во время одной из своих ежедневных прогулок по лесу. У птицы было сломано крыло, и сейчас Кэм пытался зафиксировать его и наложить на него шину.

Беатрис завернула небольшую, но довольно-таки упитанную сову в одеяло. Она отвела от птицы пристальный, полный сострадания взгляд и взяла деревянную ложку, которую принесла Амелия, а затем с силой провела ручкой против когтей совы. Ночная хищница тотчас же вцепилась в неё своими сильными когтями. Амелия могла бы поклясться, что сова буквально на глазах уменьшилась в размерах.

В который раз Амелию удивило сочувствие, с которым Беатрис относится к раненым животным. Но всё же, она до сих пор не знала, была ли такая отзывчивость к страданиям живых существ благословением для её сестры или же, напротив, проклятием. Подавив давнее беспокойство, Амелия присела на стоящий рядом диванчик и стала наблюдать за ловкими движениями своего мужа.

Три года назад она поразила свою семью - и прежде всего себя - когда стремительно вышла замуж за Кэма Роана, цыгана из Лондона, спустя всего три недели с момента их знакомства. До этого случая она гордилась своим благоразумием, не понимая людей, которые, забыв обо всём, образно говоря, несутся сломя голову.

Но именно так получилось у них с Кэмом. Красивый, необычный, чувственный - он совершенно не походил на мужчину, которого Амелия представляла себе в роли своего мужа. На самом деле, она вообще не думала, что когда-либо выйдет замуж. Её родители скончались один за другим, и после их смерти смыслом жизни Амелии стала забота о брате и трёх сестрах: Лео, Уин, Поппи и Беатрис. Но однажды Кэм ворвался в её жизнь и разбудил в ней потаённые мечты и желания. Он обольстил её, покорив не только тело, но и ум, и душу девушки.

И Кэм остался с ними навсегда, объяснив, что иногда, некоторые цыгане находят своё atchen-tan, место остановки. Для Кэма любовь и семья значили намного больше свободы, и постепенно бремя заботы о Хатауэях легло на его надёжные, сильные плечи.

Сейчас Кэм склонился над совой, тщательно приматывая щепку к её поврежденному крылу. Легкий ветерок, ворвавшийся в приоткрытое окно, играл блестящими, темными прядями, упавшими ему на лоб. Амелия задержала взгляд на его великолепной фигуре, заметив, как красиво тонкая льняная рубашка облегает сильные линии спины и мощные плечи мужа. Он был потрясающе красивым мужчиной, а его карие глаза искрились добротой и смехом. Ловкими, изящными движениями он терпеливо приматывал перевязанное крыло к телу совы.

«Кью-вик», - протестующе заверещала птица, - «кью-вик!»

Кэм пробормотал по-цыгански какие-то успокаивающие слова, и сова притихла.

- Отнесёшь её теперь в сарай? - попросил Кэм Беатрис. - Пусть она хорошенько отдохнёт в ящике, где для неё устроено гнездо.

- Мне нужно её напоить?

- Ты можешь попробовать, но, если она и выпьет, то не слишком много. Совы обычно получают необходимую влагу из своей добычи. Кстати, это напомнило мне - тебе придётся где-нибудь раздобыть для неё мышей, наша птичка скоро проголодается.

Беатрис поморщилась, ей претила необходимость кормить птицу живыми существами.

- Посмотрим, смогу ли я заставить Доджера поймать хотя бы несколько штук.

Она надела самодельную кожаную перчатку для соколиной охоты, позаимствованную у Меррипена, и они вместе с Кэмом стали уговаривать сову отпустить ложку и перебраться на руку к Беатрис.

- Беатрис, - сказала Амелия, - могу я поговорить с тобой, прежде чем ты уйдешь?

- Да, я опять что-то натворила? - Беатрис посмотрела на сестру шутливо-испуганным взглядом, а её выразительные синие глаза стали такими же круглыми, как у совы.

Она была обворожительной девушкой девятнадцати лет. И хотя Беатрис не была наделена классической красотой Уин или Поппи, но обладала таким милым, весёлым изяществом и была настолько обаятельна в общении, что очаровывала всех, кто с ней встречался. Особенно притягательной была её улыбка, которая мгновенно вспыхивала на лице и светилась лукавым озорством. Беатрис была непосредственной, открытой, и такой же любознательной, как и её любимый питомец - хорёк Доджер.

Какой мужчина подошёл бы такой девушке? Возможно, молодой человек, который не стал бы подавлять её природную живость? А, быть может, джентльмен постарше, способный обуздать её чрезмерную импульсивность и оградить от неприятностей?

Как ни странно, но в течение двух сезонов, которые Беатрис и Поппи провели в Лондоне, Беатрис была неизменно популярнее сестры. Возможно, это объяснялось тем, что её не заботили поиски подходящего мужа. В отличие от несчастной Поппи, которая отчаянно стремилась выйти замуж, но пока так и не добилась успеха.

- Я думаю, это потому, что Поппи в обществе молодых людей очень волнуется и начинает болтать без умолку, - доверилась Беатрис Амелии.

- А ты разве не теряешься в подобной ситуации? - спросила Амелия.

- Конечно, нет. Я просто задаю мужчинам вопросы, чтобы поддержать беседу, и они, кажется, весьма довольны, что кто-то слушает их рассуждения.

Поблагодарив Господа за дарованный Беатрис ум, Амелия с улыбкой посмотрела на свою самую младшую сестру, которая была в обычном для неё растрёпанном виде. Девушка растеряла где-то половину шпилек, и пряди её тёмно-каштановых волос выбились из причёски, на кончике восхитительного носика красовалось пятно, а подол юбки был заляпан грязью.

- Нет, ты ничего не натворила, - сказала Амелия. - Просто я хотела напомнить тебе, что на следующей неделе состоится бал в честь свадьбы Уин и Меррипена, на котором будет

присутствовать большая часть местного дворянства.

Амелия криво улыбнулась и добавила:

- И, по словам некоторых наших друзей, среди гостей будет несколько достойных холостяков.

Беатрис снова поморщилась, точно так же, как и тогда, когда разговор зашёл о мышах.

- Пусть этими молодыми людьми лучше интересуется Поппи. Она хочет выйти замуж гораздо сильнее, чем я.

- Да, но... Беа... Ты ведь тоже в таком возрасте, когда... - Амелия замолчала, подыскивая подходящие слова. - Я только хотела сказать, почему бы тебе ни попытаться отнестись более благосклонно к ухаживаниям одного из джентльменов, которые проявляют к тебе интерес?

- Ты хочешь, чтобы я поскорее вышла замуж и оставила вас? - спросила Беатрис безучастно.

- Нет, что ты... просто я вижу, как сильно ты поглощена заботой о своих обездоленных животных. Ты полна решимости помочь им и забываешь обо всём на свете. Но возможности, которые есть у тебя сейчас, не всегда будут доступны. У юных девушек обычно бывает не более трёх сезонов в Лондоне прежде, чем ...

- Они окажутся «на полке»? - продолжила Беатрис.

Поворачивая свою круглую голову, сова внимательно смотрела то на Амелию, то на Беатрис.

Амелия раздражённо поморщилась.

- Терпеть не могу это выражение. Слово бедных незамужних девушек сравнивают со скучными книгами, которые никто не хочет читать.

Беатрис пожала плечами.

- По мне, лучше оказаться на полке, чем выйти замуж за одного из тех джентльменов, с которыми я имела «счастье» познакомиться во время сезона.

Она выглядела искренне огорчённой.

- Мне так жаль, Амелия. Я знаю, что ты хочешь мне помочь. И я действительно пыталась влюбиться в одного из тех молодых людей, с которыми успела познакомиться, но ни один из них не заинтересовал меня по-настоящему.

- Возможно, кто-то из этих джентльменов просто не успел раскрыть своих положительных качеств, - сказала Амелия, слегка подвигаясь, чтобы Кэм мог присесть рядом с ней.

- Интересно, Беа, а что, если бы ты попыталась посмотреть на мужчин с тем же сочувствующим вниманием, с каким обычно смотришь на своих животных? На самом деле, они не сильно отличаются друг от друга. То есть, я имею в виду... - она внезапно замолчала и, нахмурившись, посмотрела на Кэма, который громко расхохотался.

- О, ради Бога, ты же понимаешь, что я хочу сказать!

Беатрис безуспешно пыталась скрыть усмешку.

- Я понимаю, Амелия. И обещаю, что с этого момента, постараюсь думать о подходящих джентльменах как о новой, диковинной разновидности живых существ.

После того, как её младшая сестра ушла, Амелия спрятала лицо в ладонях и тихо застонала.

- Что же нам с ней делать?

Кэм улыбнулся и отвел руки жены от её лица. Он заговорил мягким, успокаивающим тоном, таким же, каким только что уговаривал желтовато-коричневую сову.

- Пусть всё идёт своим чередом, monisha. Ты же знаешь, нашей Беатрис не подойдет обычный мужчина. Подходящий молодой человек сам появится в её жизни, когда придёт время.

- Но его нет слишком долго.

- Беатрис - всего лишь девятнадцать, любовь моя.

- Я знаю. Но она нуждается в ком-то, Кэм. В ком-то особенном, кто бы ей подходил. В ней чувствуется некое беспокойство, отстранённость... что-то такое, что мне трудно выразить словами. Но независимо от природы этого чувства, оно заставляет её держаться на расстоянии от семьи. Она проводит слишком много времени, скитаясь по лесу в одиночестве. Даже несмотря на уроки этикета мисс Маркс, Беатрис остается все такой же неуправляемой.

Кэм отодвинулся и посмотрел на жену долгим, задумчивым взглядом.

- Но если она выйдет замуж за неподходящего мужчину, это не решит её проблем.

- Нет, и, разумеется, я не хочу этого. Вот только я боюсь, что когда подходящий мужчина все-таки появится в её жизни, Беатрис будет настолько занята, подрезая копыта альпака или спасая осиротевших барсучков, что даже не заметит его присутствия.

Кэм улыбнулся.

- У неё нет альпака.

- Пока нет, - Амелия жалобно вздохнула. - Я боюсь, что эта навязчивая идея помогать всем беспомощным животным - всего лишь способ Беатрис спрятаться от реальности и отгородиться от боли и риска. После смерти мамы и папы она уже никогда не была прежней. Мне кажется, потеря родителей в столь раннем возрасте ранила Беатрис больше всех нас.

Не дождавшись от мужа ответа, Амелия посмотрела на него взволнованным взглядом.

- Что ты об этом думаешь?

- Я полагаю, Беатрис обязательно найдёт кого-нибудь, когда придёт время. А ты пытаешься подчинить судьбу своим желаниям, но это ещё никогда и никому не удавалось.

Он отвёл назад прекрасные локоны жены и легонько коснулся губами её лба.

- Расслабься. Позволь своей сестре идти своим собственным путём.

- Я не умею расслабляться, - уголки губ Амелии чуть заметно дрогнули в печальной усмешке. - У меня гораздо лучше получается беспокоиться и переживать.

Кэм положил свою сильную ладонь на небольшую выпуклость её живота.

- Я не могу позволить тебе волноваться в твоём положении. Давай поднимемся наверх и посмотрим, чем я могу тебе помочь.

- Спасибо, но я не хочу спать.

- Мне такое и в голову не приходило.

Встретив пристальный взгляд мужа, Амелия заметила вспышку желания в его тёмных глазах, и лицо её вспыхнуло алым цветом.

- Посреди бела дня? - тихо удивилась она.

Мягкий смех сорвался с губ Кэма. Он встал и потянул жену с дивана, удерживая её ладони в своих руках.

- К тому времени, как я закончу с тобой, моя маленькая колибри, ты даже не вспомнишь, что стало причиной твоего волнения.

Глава 3

Беатрис поднесла молодую сову поближе к себе, поглаживая гладкие, шелковистые перья на спинке. Даже через кожаную рукавицу девушка чувствовала, как птица возбуждённо сжала когтями ей руку. Сова была лёгкой, хрупкой, но в то же время в ней чувствовалась и сила.

- Всё будет хорошо, - ласково сказала девушка, - я позабочусь о тебе, ты быстро поправишься и сможешь вернуться к своей семье.

- Ты знаешь, моя сестра права, - призналась девушка, направляясь к сараю, - мне действительно нужен спутник. Я провела в Лондоне два сезона, и встретила там тысячу мужчин. Но какие же они все вялые, бесхарактерные, лишённые жажды жизни! Большинство из них целые дни проводит в праздных развлечениях, ожидая, когда умрёт какой-нибудь престарелый родственник и оставит им наследство. Они гордятся своей загадочностью, которая, по их разумению, заключается в том, чтобы думать одно, а вслух говорить совершенно иное. При этом девушкам полагается с восторгом ловить каждое слово и восхищаться их умом и неординарностью. Ха! По крайней мере, когда мужчины-совы прилетают, чтобы поухаживать за своими избранницами, они приносят с собой пищу.

Сова спокойно щёлкала клювом, словно отвечая девушке, и всё её тело трепетало от этих звуков.

- Я понимаю, - сказала Беатрис. - Нужно выбирать лучшее из того, что есть.

Лёгкая, задумчивая улыбка коснулась её губ, и она вновь заботливо погладила ладонью маленькое, крепкое тельце птицы.

- Только как мне сдержать тайное желание найти кого-то, кто смотрит на мир точно так же, как я? Господи, насколько же глупыми и бессмысленными являются все эти придуманные кем-то правила. Манеры, корсеты, сплетни, приборы и... да помогут мне небеса - светские беседы. Если я не могу говорить о чём-то действительно интересном, я предпочитаю молчать.

Беатрис замолчала, прислушиваясь к щёлканью совы.

- Ты спрашиваешь, какого мужчину мне хотелось бы встретить? Не имею ни малейшего представления. Я была бы не против выйти замуж за цыгана, но уж очень тяжело удержать их на одном месте. А я не хочу бродить по свету, мне нравится Гемпшир. Ведь в душе я - самая настоящая домоседка.

Беатрис вошла в сарай - большое здание из известняка, - и направилась к сеновалу. Здание было двухэтажным, построенное таким образом, чтобы на оба уровня можно было попасть без лестницы. Внизу располагались гумно, ряд загонов для крупного рогатого скота и помещения для телег и хранения рабочих инструментов.

Беатрис прошла в дальний угол сеновала, и посадила сову в ящик, где для неё было устроено удобное гнездо.

- Вот, пожалуйста, - ласково сказала девушка, - сухое, безопасное место, в котором ты сможешь отдохнуть. Скоро я пойду со своим хорьком Доджером в амбар наловить тебе что-нибудь на обед.

Солнечный свет проникал через вертикальные перекладины окна, и яркие лучи жёлтыми полосами пересекали сеновал. Сидя перед ящиком с гнездом, Беатрис наблюдала за тем, как сова приводит себя в порядок, приглаживая пёрышки острым, крепким клювом.

- Тебя кто-нибудь ждёт? - печально спросила девушка. - Задаётся ли кто-нибудь вопросом, куда ты пропала?

Прислонившись головой к стене, Беатрис закрыла глаза и вдохнула умиротворяющий аромат свежескошенного сена, смешанный с запахами пыли и рогатого скота.

- Беда в том, что в душных лондонских гостиных я никогда не найду мужчину, которого смогла бы полюбить. Я хочу...

Девушка вдруг замолчала, будто не в силах выразить острую тоску, терзавшую её сердце. Чувства и желания девушки, были скрыты глубоко на дне души и заперты там, словно в клетке, ожидая появления мужчины, сила желания которого будет равняться её собственной. Такого, который не побоится выпустить её страсть на свободу. Беатрис мечтала быть любимой, хотела... чтобы её ошеломили, настигли, покорили своей властью. Но она понимала, что все те пассивные городские щеголи, которых она встретила во время сезона, ничуть не походили на её воображаемого любовника.

Беатрис рассеянно подняла тоненький стебелек сена и стала задумчиво покусывать его, смакуя сухую, ароматную сладость.

- Возможно ли, что я уже встретила его, и прошла мимо, не обратив внимания? Не могу этого даже представить. Уверена, он не похож на человека, которого можно...

- Мисс Беатрис! - раздался со стороны гумна звонкий голосок маленького мальчика. - Мисс Беатрис, где вы?

Девушка озадаченно приподняла брови.

- Извини меня, - сказала она сове, и направилась к краю сеновала, чтобы узнать, кому она могла понадобиться.

- Томас! - воскликнула Беатрис, заметив одного из слуг - одиннадцатилетнего мальчика. Он жил со своими родителями в деревне и каждый день после школы приходил в имение, чтобы помочь по хозяйству. Смышлёный, ясноглазый мальчуган выполнял несложные поручения: чистил ботинки, полировал столовое серебро или помогал лакеям выполнять другую мелкую работу по дому.

- Как твои дела?

На его круглом детском личике застыло печальное выражение, когда он долгим, несчастным взглядом посмотрел в глаза Беатрис.

- Ужасно, мисс.

- Что случилось? - забеспокоившись, спросила Беатрис.

- Я только что ходил смотреть передвижной зверинец Фалловэев, который остановился у нас в деревне. Лучше бы я не тратил на это свои два пенса.

Беатрис кивнула, нахмурившись, и тоненькие морщинки пересекли её лоб. По мнению девушки, способы показа животных в этих зверинцах были попросту преступными. Экзотические звери, такие как тигры, львы, зебры и многие другие, перевозились из города в город в так называемых «фургонах для скота» и демонстрировались зрителям наряду с представлениями акробатов, жонглёров и иными развлечениями. Бедные животные всегда выглядели вялыми и измученными, с ними ужасно обращались: не ухаживали, плохо кормили, частенько избивали. Такой произвол наполнял сердце Беатрис болью и негодованием. Это было жестоко - увезти дикое животное из естественной среды обитания, запереть его в клетке, чтобы до конца жизни на него тарасились тысячи любопытных глаз.

- Я не могу посещать такие передвижные зверинцы, - сказала Беатрис, - как, впрочем, и любые другие зоологические выставки.

- Я отправился к Фалловэям, потому что они обещали показать выступление танцующего слона, - сказал Томас. - Но когда зверинец добрался сюда, Беттина - так звали слониху, умерла. Я слышал, как кто-то в толпе сказал, что она не вынесла долгой и тяжелой дороги, потому что её заставляли идти слишком быстро. И тогда хозяин зверинца приказал вывесить новую афишу, на которой написали: «Демонстрируется мёртвый слон». Они показали слониху всем желающим, и даже позволили некоторым людям тыкать в неё палками.

- Я не могу больше слышать об этом, - сказала Беатрис. - Это ужасно, Томас.

- У них остался только маленький слонёнок, но он не хочет ни танцевать, ни даже подниматься на ноги, - добавил мальчик. - Участники музыкального представления и дрессировщики подталкивают его бычьими крюками, но слонёнок только лежит и стонет.

- Я думаю, он оплакивает свою погибшую подругу, - тихо сказала Беатрис.

- В зверинце сказали, что умершая слониха была его мамой.

Охваченная глубокой печалью, Беатрис едва могла дышать. Закрыв глаза, она обречённо подумала: «Ты не можешь спасти их всех». Кроме того, она не могла себе позволить быть ещё более эксцентричной.

Больше никаких неприятных ситуаций. Никаких скандальных происшествий.

- У вас есть подход к животным, мисс Беатрис, - сказал Томас. - Не могли бы вы навестить слонёнка и уговорить его встать? Если бы он поднялся на ноги, они, скорее всего, перестали бы тыкать в него этим ужасным крюком.

- Но я ничего не знаю о слонах, - ответила девушка. - Нет, я ничем не смогу ему помочь. Я уверена, Томас, слонёнок вскоре выздоровеет сам.

- Да, мисс, - явно разочарованный, мальчик вышел, чтобы вернуться к своим хозяйственным делам.

Беатрис застонала и вернулась к ящику, в котором сидела сова.

- Я не могу помочь ему, - сказала она безнадежным голосом, уставившись на сонную птицу. - Я не могу.

Но она всё время думала о том, что маленький слонёнок умирает от отчаяния, тогда как рядом с ним развлекаются люди, разглядывая его мёртвую мать.

Господи, помоги ей, она слишком хорошо знала, каково это - потерять родную мать.

Зелёный луг перед городком Стоуни Кросс на время превратился в арену для представлений зверинца Фалловэй. Не менее пятнадцати огромных фургонов были выстроены в большой прямоугольник. На севере площадку огораживала невысокая шаткая изгородь, а место для выступлений артистов и показа животных было устроено впереди, чтобы привлечь как можно больше желающих приобрести билеты. Для развлечения зрителей на деревянной платформе небольшой оркестр играл весёлые польки, а рядом с ними трио акробатов выполняло свои замысловатые кульбиты.

Беатрис с неприязнью посмотрела на один из жёлтых фургонов, на стене которого, похоже, был изображен сам достопочтенный владделец зверинца - Джордж Фалловэй. Мистер Фалловэй был грузным мужчиной, с круглым, красным лицом; его щёки, словно седельные сумки, свешивались по обеим сторонам белой козлиной бородки и вздымающихся усов. А натянутая улыбка Фалловэя выглядела так, словно кто-то невидимый потянул мужчину за кончики усов, приподняв его верхнюю губу.

- Он, должно быть, очень любит животных, - прокомментировал Томас, - если приобрёл их так много для своего зверинца.

Беатрис грустно улыбнулась, рассматривая ближайшие грязные клетки с худыми, измученными обезьянками.

- Этим вопросом задаётся каждый, у кого есть сердце, - сказала Беатрис. - Где ты видел маленького слонёнка, Томас?

- В клетке с другой стороны вон тех фургонов. Прутья ограждения такие непрочные... они не смогли бы удержать слонёнка, если бы он захотел уйти.

- Куда бы он пошёл? - задала Беатрис вопрос, на который не было ответа.

Они осторожно обошли вокруг периметра ограждения, и увидели маленького безучастного слонёнка, который лежал на боку, прямо на земле возле самых прутьев. Он был даже меньше, чем ожидала Беатрис, его рост, если бы он встал на ноги, не превышал бы пяти футов. Кожа

слонёнка была серой, покрытой редкими волосками, а его уши – сравнительно маленькими. Индийский слон, решила девушка, обладающий, по общему мнению, более робким нравом, чем его африканский сородич.

Глаза животного были полузакрыты, но его пристальный взгляд остановился на Беатрис, когда она приблизилась к забору. Он не пошевелился, продолжая всё также неподвижно лежать, словно был болен или одурманен лекарствами.

Или убит горем.

- Привет, малыш, – ласково произнесла Беатрис. – Как тебя зовут?

- Олли, так было написано на афише, – вмешался Томас.

Беатрис наклонилась и через ограждение посмотрела на слонёнка. Она вынула из кармана юбки яблоко, которое захватила специально для бедного животного, и легонько бросила угощение через шаткие прутья решетки. Яблоко покатилось по земле и остановилось прямо перед вытянутым хоботом слона.

- Это для тебя, Олли.

Слоненок вяло обнюхал фрукт, но не предпринял попытку взять его.

- Посмотри на шрамы у него на животе, – сказала Беатрис Томасу. – И совсем свежие раны вокруг шеи. Они били его бычьим крюком в самые уязвимые места, даже там, где мы, вероятно, не сможем увидеть.

- Его кожа выглядит очень толстой, – заметил Томас, – возможно, он ничего не почувствовал.

- Ты так думаешь? Поверь мне, Томас, когда бьют так сильно, что кожа рассекается, и из раны начинает сочиться кровь – это очень больно.

Мальчик выглядел расстроенным. Но прежде, чем он успел что-либо ответить, их разговор был прерван резким, грубым криком.

- Что вы здесь делаете? Задумали какую-нибудь пакость, не так ли? Вы оба, убирайтесь прочь от животного!

Беатрис медленно выпрямилась, когда худой мужчина с вытянутым лицом приблизился к ним изнутри клетки. Он был в одет в костюм из грубой ткани, а на голове у него красовалась шляпа-котелок с закруглёнными полями. В одной руке мужчина держал ужасное орудие – длинную палку с большим железным крюком на конце.

- Мы не хотели его обидеть, – сказала Беатрис, пытаясь выглядеть дружелюбной, хотя её захлестнули неприязнь и враждебность к этому злобному мужчине, который приближался к беспомощному слонёнку с оружием в руках.

- Если хотите посмотреть на животных, вы должны, как и все остальные, заплатить за это два пенса.

- Слон плохо себя чувствует? – спросила Беатрис.

Мужчина в ответ презрительно расхохотался.

- Нет, он всего лишь ленится, - дрессировщик взмахнул бычьим крюком. - Сейчас я помогу ему немного взбодриться.

- Возможно, слонёнку требуется какое-то время, чтобы оправиться после смерти матери?

Рот мужчины скривился в снисходительной усмешке.

- Вот уж точно, женское суждение. Вы думаете, что жалкий, бессловесный скот наделен какими-то чувствами, в то время как Олли всего лишь уклоняется от выполнения своих обязанностей. Прежде чем получить пищу, он должен её заработать!

Мужчина подошел к неподвижному животному и стал тыкать в него крюком.

- Время представления, Олли. Ты будешь танцевать, пока музыканты не закончат играть, или я сделаю из тебя котлету!

- Могу я поговорить с ним? - порывисто вскрикнула Беатрис. - Хотя бы одну минуту?

- Поговорить с ним? - просьба девушки вызвала у мужчины недоумение, и он посмотрел на нее, как на сумасшедшую. - Кто вы такая, черт возьми?

- Это - мисс Хатауэй, - сказал Томас, прежде чем Беатрис успела его остановить. - Животные любят её - она может говорить с ними на их языке. Пожалуйста, сэр, позвольте ей поговорить с Олли.

Мужчина рассмеялся и покачал головой.

- Вы утверждаете, что понимаете язык слонов?

- Нет, сэр, - сказала Беатрис с достоинством. - Я всего лишь отношусь к животным с добротой и уважением. И большинство из них очень хорошо это чувствует. Вы тоже могли бы попробовать так с ними обращаться.

Тихий упрёк, прозвучавший в словах девушки, казалось, проплыл мимо ушей мужчины.

- Что ж, посмотрим, сможете ли вы уговорить этого ленивца выполнить свою работу. Но если ваши способы не сработают, моя палка отлично сделает свое дело.

Беатрис кивнула и присела на корточки.

- Олли, - ласково сказала она. - Бедный Олли... Ты должен поверить мне, я - твой друг.

Просунув руку сквозь прутья клетки, она положила её на землю, ладонью вверх.

- Я понимаю, что ты не хочешь ни есть, ни танцевать, ни выполнять все те вещи, которые тебя заставляют делать. Я знаю, что твоё сердце разбито. Я тоже потеряла свою мать, когда была такой же маленькой, как ты. И это правда, что ты никогда не перестанешь скучать по ней. Но появятся другие существа, которые полюбят тебя. Те, кто захочет тебе помочь. И я - одна из них.

Всё время, пока Беатрис говорила, вопрошающий хобот осторожно приближался к её руке, пока мягко не прикоснулся к ладони девушки. Она ласково согнула пальцы, погладив тёплую грубую кожу слоненка. Через секунду Олли поднес хобот к лицу Беатрис, втянув аромат её дыхания.

- Я обязательно помогу тебе, - прошептала она. - Доверься мне. А пока, пожалуйста, встань и сделай то, что тебе велит этот мужчина.

Слон дотянулся до яблока, поднял его и, подвернув хобот, забросил фрукт себе в пасть. Медленно пережевывая, он покачнулся и принял сидячее положение, забавно вывернув ноги в толстых коленках, словно маленький ребёнок.

- Он сделал это, - сказал Томас с довольным изумлением.

Мужчина с бычьим крюком издал удивлённый, хриплый смешок.

Казалось, что ни один из них не смел заговорить, наблюдая за тем, как Олли медленно встаёт на ноги. Слонёнок оказался перед Беатрис, подойдя к прутьям решётки так близко, как это только было возможно, и посмотрел на девушку ясными карими глазами с тяжёлыми веками. А затем вытянул свой хобот через прутья, и Беатрис протянула ему навстречу руку. Слонёнок осторожно обернул хобот вокруг её руки, словно обмениваясь с Беатрис рукопожатием.

- Довольно, - резко заявил мужчина, возвращая себе господство над ситуацией. - Если вы хотите увидеть выступление слона, вы должны заплатить два пенса и пройти на представление, как и все остальные зрители.

- Где же ваша благодарность? - спросил Томас с негодованием. - Если бы не мисс Хатауэй...

- Всё в порядке, - прервала его Беатрис, мягко высвобождая руку и стараясь при этом не смотреть в доверчивые глаза слонёнка, который глядел на неё с жалобной тоской.

- Сейчас мы должны попрощаться с тобой. До свидания, Олли.

«До встречи», - тихо прошептала Беатрис, заставила себя развернуться и уйти.

Глава 4

Летняя буря обрушилась на Гемпшир в ночь перед свадьбой Уин и Меррипена. Несколько часов подряд сильный дождь и ураганный ветер стегали Стоуни Кросс, повредив множество домов и вырвав с корнями могучие деревья. К счастью, не было получено никаких известий о том, что кто-то из жителей городка пострадал, и утро следующего дня выдалось теплым и солнечным.

Уин проснулась, смутно припоминая, как Кев покинул её сразу же после полуночи, чтобы не добавлять к череде уже случившихся дурных примет ещё одну - увидеть невесту в утро свадьбы. «Мой суеверный Ром», - с нежностью подумала девушка, сонно улыбаясь и обнимая руками подушку, на которой лежал Кев.

- Доброе утро, дорогая, - раздался с порога веселый голос Амелии.

- Доброе утро, - Уин села на постели и сладко зевнула. - Сегодня - день моей свадьбы! Я думала, что он никогда не наступит.

- О, он наступил, - с иронией в голосе сказала Амелия, входя в комнату. Она была одета в ниспадающий мягкими складками белый бархатный халат и несла на подносе утренний чай. Амелия передала сестре чашку чая и осторожно присела на краешек матраца.

- Ты уже давно проснулась? - спросил Уин.

- Почти полчаса назад. И у меня для тебя много новостей.

Уин удивлённо приподняла свои красиво очерченные брови.

- Случилась какая-то неприятность, по поводу которой так волновался Кев?

- Начнем с того, что Беатрис проснулась с насморком, причём весьма сильным. Я думаю, ночью во время бури она наверняка ходила в сарай, чтобы проверить, всё ли в порядке с совой. Вернувшись, Беатрис оставила в холле грязные следы и лужи воды, чем очень сильно рассердила нашу домоправительницу.

- Бедная Беа, - обеспокоенно сказала Уин, поднося чашку к губам.

- Есть новости и похуже. Утром священник прислал из города мальчика, и тот рассказал нам, что на крышу церкви упало дерево и проломило в ней дыру. Дождём залило алтарь и пресвитерий. *(Пресвитерий - главная зона храма. Он размещается в глубине зала напротив центрального входа. Всё внимание прихожан сосредотачивается на данной зоне. В ней располагается алтарь (место жертвоприношения) и амвон (место литургии слова), где священником совершается литургия.)*

- О, нет! - нахмурилась Уин.

Возможно, предчувствия Кева в конечном итоге оказались верными.

- Означает ли это, что нам придётся отложить свадьбу?

- Если бы на месте жениха был любой другой мужчина, а не Меррипен, я бы ответила «да». Но твой жених очень упрям. Кэм и Лео сейчас беседуют с ним внизу в гостиной.

Обе женщины на мгновение притихли, внимательно прислушиваясь.

- Странно, но я не слышу никаких криков, - сказала Уин.

- На самом деле Меррипен очень спокоен. Но я думаю, это потому, что втайне он задумал кого-то убить. Кев попросил меня помочь тебе с подвенечным нарядом, он говорит, что свадьба обязательно состоится. Так или иначе. И где бы то ни было.

- Замечательно, - улыбаясь, Уин сделала еще один глоточек чая. - Я знаю Кева достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в его словах.

Сопровождая мальчика, который прибыл к ним с поручением, Лео Хатауэй отправился в город, чтобы оценить размеры ущерба, нанесённого церкви, и переговорить со священником. По возвращении в Рэмси-Хаус Лео прошёл в гостиную, стремясь поскорее сообщить о результатах поездки Кэму и Кеву. Лео был высоким голубоглазым шалопаем, который не утрачивал красноречия даже в сложных ситуациях, всегда оставаясь дерзким и непочтительным. Кроме того, он обладал способностью мастерски обходить любые правила и мог отыскать лазейку в самых строгих и чётких инструкциях. Если существовал хотя бы один способ провести свадьбу, Лео обязательно обнаружил бы его.

- Ни единого шанса провести церемонию в церкви, - сообщил он Кеву и Кэму, когда они собрались в главной гостиной. - Там сплошной, покрытый дёрном хаос.

- Тогда мы поженимся на церковном дворе, - сказал Кев.

- Боюсь, это невозможно, - лицо Лео выражало искреннее сожаление. - Согласно церковным канонам, церемония должна быть совершена в церкви или в часовне, которые имеют официальную лицензию. И ни священник, ни пастор не посмеют нарушить это правило. Это повлекло бы для них очень серьёзные последствия, их даже могли бы на три года отстранить от должности. Когда я поинтересовался, где находится ближайшая к нам лицензированная часовня, священник и пастор подняли архивы, и выяснилось, что приблизительно пятьдесят лет назад наша часовня получила лицензию для проведения в ней семейной свадьбы, но срок её действия давным-давно истёк.

- Мы можем возобновить лицензию? - спросил Кэм. - Прямо сегодня?

- Я спросил об этом. Пастор пришёл к выводу, что в данных обстоятельствах, такое решение было бы наиболее приемлемым, и дал свое согласие на проведение свадьбы. Однако при условии, что Меррипен и Уин пообещают провести скромную повторную церемонию в церкви, после того, как её крыша будет восстановлена.

- Но брак, заключённый сегодня будет признан законным? - требовательно спросил Кев.

- Да, если церемония будет проведена до полудня, брак будет считаться абсолютно законным и зарегистрированным. Однако церковь не признает свадьбу, если она состоится хотя бы одной минутой позже двенадцати часов дня.

- Хорошо, - коротко сказал Кев, - мы поженимся этим утром в семейной часовне. Заплати пастору, сколько требуется в этом случае.

- У этого великолепного плана есть только одно слабое место, - заметил Кэм, - в нашем имении нет никакой часовни. По крайней мере, я её никогда не видел.

Лео выглядел потрясенным.

- Чёрт возьми, что с ней случилось?

Оба мужчины выжидающе уставились на Кева, который последние два года занимался восстановлением поместья, ремонтируя постройки, снося старые здания и перестраивая дом.

- Что ты сделал с часовней, phral? - со страхом спросил Кэм.

На лице Кева застыло угрюмое выражение.

- Ею никто не пользовался, кроме птиц, которые вили там гнезда. Поэтому мы решили переделать часовню в амбар и пристроили к ней сарай.

Ответом ему была тишина, и Кев продолжил, словно оправдываясь:

- В конце концов, она же всё ещё существует!

- Ты хочешь жениться в амбаре? - недоверчиво спросил Лео. - Среди грязных вёдер, наполненных зерном?

- Я хочу жениться, и мне всё равно, где это произойдет, - ответил Кев. - И амбар подходит для этого ничуть не хуже, чем любое другое место.

Лео выглядел потрясённым, голос его был полон сарказма:

- Может быть, стоит спросить Уин, желает ли она выйти замуж в бывшей часовне, которая теперь представляет собой амбар с пристроенным к нему сараем? Лично я воздержусь. Хотя Уин и является моей сестрой, но даже у неё есть определённые взгляды и устои.

- Я желаю! - донесся с лестницы голос Уин.

Кэм подавил усмешку.

Лео покачал головой и сказал, обращаясь к сестре:

- Это - сарай, Уин!

- Если наш Господь не имел ничего против того, чтобы появиться на свет в хлеву, я тем более не возражаю провести свадебную церемонию в амбаре.

Сокрушённо закатив глаза, Лео пробормотал:

- В таком случае, я пойду и позабочусь о плате за возобновление лицензии. Едва могу дожждаться момента, когда увижу лицо священника после того, как сообщу ему, что мы перестроили часовню в амбар. Позволю себе заметить, это не лучшим образом характеризует благочестие нашей семьи.

- Ты, наконец-то, задумался о спасении своей бессмертной души? - спросил Кэм.

- Пока нет. Я всё ещё на пути к этому. Но когда я, наконец, найду время для раскаяния, у меня для этого не будет даже чёртовой часовни.

- Ты можешь сколько угодно раскаиваться в нашем, имеющем официальную лицензию, амбаре, - сказал Кэм, пожимая плечами.

Он подошёл к входной двери, открыл её, и замолчал на полуслове, когда зажигательные звуки гитар и цыганские голоса ворвались внутрь.

Присоединившись к стоящему в дверях Кэму, Меррипен насчитал, по крайней мере, три дюжины своих цыганских родичей, которые расположились на лужайке перед домом. Разодетые в красочные наряды цыгане играли на гитарах и пели душевные песни.

- Предполагалось, что они уехали! - раздраженно сказал Кев. - Что они здесь делают?

Кэм потер лоб, словно пытаясь предотвратить начинающуюся головную боль.

- Похоже, они вернулись, чтобы помочь нам отпраздновать вашу с Уин свадьбу.

- Я не нуждаюсь в подобной помощи, - сказал Кев.

Лео тоже подошёл к двери.

- Замечательно, - заметил он, - у нас есть, по крайней мере, одна хорошая новость - теперь уже вряд ли что-то может пойти не так, как надо.

Благодаря совместным усилиям Амелии, Поппи, Беатрис и их компаньонки мисс Маркс, амбар был украшен цветами и белыми лентами, а деревянный пол девушки усыпали лепестками роз.

После щедрой, так называемой «платы за возобновление», священник не выразил возражений на проведение церемонии в перестроенной часовне.

- Если свадьба состоится до двенадцати часов, - объявил он взволнованной семье, - брак будет считаться зарегистрированным сегодня.

Точно в одиннадцать тридцать Кев вместе с Кэмом уже стоял в дальнем конце амбара, который после перестройки представлял собой просторное помещение с большими дверьми с обеих сторон. Такие изменения были сделаны для того, чтобы облегчить перевозку зерна и необходимого инвентаря. Снаружи звучала романтическая музыка цыганских гитар, а внутри амбар был до отказа заполнен взволнованными гостями. Свободным оставался только центральный проход, по которому должна была идти невеста.

Стоя в амбаре вместе со всей семьёй, Беатрис без конца чихала в кружевной носовой платок. Когда она посмотрела на Меррипена, её затопила волна бесконечной радости за него. Он и Уин так долго любили друг друга, и на пути к своему счастью преодолели очень много неодолимых, на первый взгляд, препятствий. Большинство людей смотрело на брак, как на нечто само собой разумеющееся, тогда как для Меррипена женитьба на любимой стала наградой за долгие годы мучений и жертв.

Уин вошла в церковь под руку с Лео, и грациозно прошествовала через амбар к ожидающему её жениху. Она была чиста и прекрасна, словно ангел в своем простом подвенечном платье, сшитом из белоснежного шёлка, мерцающего, словно лунный свет. Строгое изящество наряда подчеркивалось великолепными, тонкими кружевами, а лицо Уин было наполовину скрыто воздушной кружевной фатой. Меррипен неотрывно смотрел на невесту, словно погрузившись в необычный, восхитительный сон, от которого не желал очнуться.

Кев медленно приподнял и откинул край фаты и с любовью заглянул в счастливые глаза Уин. Долгий взгляд, которым они обменялись, был сокровенным, жарким, полным доверия... в нём светилась преданность, поняла растроганная Беатрис. Чувство, возникшее между влюблёнными, казалось, околдовало всех собравшихся на торжество.

- Возлюбленные мои, - начал священник, - мы собрались здесь перед лицом Господа и всех присутствующих, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака...

Беатрис отчаянно желала, чтобы священник поспешил, потому что полуденный час стремительно приближался.

- ... И потому данный шаг не может быть совершён необдуманно, беспечно или бесцельно, ради удовлетворения мужской прихоти и вожделения, дабы не уподобляться бездушным животным, не наделённых разумом, но благоговейно, обдуманно, осторожно, трезво...

Почувствовав, что вот-вот чихнет, Беатрис торопливо уткнулась носом в кружевной платок. Это был один из тех моментов, когда человек ещё сам не знает, чихнёт он или нет,... просто в носу у девушки защекотало, зачесалось, а потом все внезапно прошло. Беатрис вздохнула с облегчением, потому что менее всего она хотела бы нарушить очарование торжественного момента своим громким чихом.

А затем она увидела это... длинный серый хобот появился из слегка приоткрытой фрамуги двери, которая отделяла амбар от сарая. Глаза Беатрис расширились от ужаса. Она не смела пошевелиться, не могла издать ни звука, в то время как хобот плавно коснулся фаты Уин и вместе с венком сдернул её с головы невесты.

Из толпы гостей раздались испуганные вздохи и изумлённые крики.

Подняв руку к голове, Уин бросила непонимающий взгляд на фрамугу. Кев инстинктивно прикрыл Уин рукой, словно защищая от неизвестной опасности, и оба они в удивлении уставились на Олли. Слоном смотрел на жениха и невесту через отверстие в двери и при этом радостно размахивал фатой, словно приветствуя их.

Все затихли, собравшиеся изо всех сил пытались осознать то, что с пугающей ясностью видели своими собственными глазами.

Лео первым пришел в себя и заговорил.

- Беатрис, - спокойно произнес он, - может быть, ты хочешь нам что-то сказать?

Глава 5

- Мне очень жаль, - сказала Беатрис, - но я могу вам всё объяснить. Видите ли, с этим животным ужасно обращались, и я подумала...

- Беатрис, - прервал её Меррипен, - мне интересно услышать всю историю, но у нас в запасе остались всего четверть часа. Не могла бы ты...

Он резко прервался, когда Уин уткнулась ему в плечо, издавая при этом необычные, задыхающиеся звуки. В первый момент Беатрис подумала, что её сестра, скорее всего, плачет. Но когда Меррипен коснулся пальцами подбородка Уин, и приподнял вверх её лицо, стало очевидным, что она задыхается от смеха. Меррипен не смог сдержать усмешки. Усилием воли он справился с собой и мягко попросил Беатрис:

- Не могла бы ты подождать со своим объяснением до двенадцати часов?

- Конечно, - ответила девушка, и подошла к Олли, чтобы убедить его не размахивать фатой. Слононок остановился и стал внимательно наблюдать за церемонией.

Священник покосился на животное с некоторой опаской.

- Я не уверен, что церковь разрешает животным присутствовать на свадьбах.

- Если за это предусмотрена какая-то плата, - уверил его Лео, - после свадьбы мы с Вами обязательно рассчитаемся. А пока, пожалуйста, давайте продолжим церемонию.

- Да, милорд.

Откашлявшись, священник продолжил обряд с ещё большим достоинством. В конце концов, он произнес:

- Если кто-то из собравшихся здесь знает причину, по которой этот мужчина и эта женщина не могут сочетаться законным браком, пусть скажет о ней сейчас или не говорит никогда.

- Остановитесь немедленно! - раздался быстро приближающийся громopodobный голос, и все собравшиеся обернулись к дальней двери амбара.

Живот Беатрис свело от страха, когда она узнала белые усы и козлиную бородку вошедшего

мужчины.

Это был мистер Фалловэй, владелец передвижного зверинца.

Беатрис не отважилась посмотреть на Олли, но краем глаза заметила, что его хобот незаметно исчез в дверях сарая.

- Я здесь для того, чтобы вернуть свою украденную собственность, - объявил мистер Фалловэй, и его глаза сузились от гнева.

Рядом с ним стоял мужчина с бычьим крюком в руках. Он и Беатрис мгновенно узнали друг друга.

- Это она, мистер Фалловэй! - закричал дрессировщик. - Девчонка Хатауэй, я застал её вчера возле клетки Олли, когда она тайком пробралась к нему. Это она увела слона, я уверен в этом!

Лео шагнул вперед, буквально на глазах преобразившись в гордого аристократа, на лице молодого лорда застыло надменное выражение, а взгляд его синих глаз стал холоднее арктических льдов.

- Я - лорд Рэмси, - представился он. - Вы самовольно вторглись в мои владения. И, если вы еще не успели этого заметить, своим нежеланным появлением прервали свадьбу.

Фалловэй издал насмешливый смешок.

- Вы не можете проводить свадьбу в амбаре.

- Это не амбар, - холодно произнес Лео, - а наша семейная часовня. Перед вами священник, а вон тот мистер с огромными кулаками и свирепым взглядом - жених. На вашем месте я не стал бы задерживать его свадьбу, иначе вы рискуете не дожить до следующего утра.

- Я никуда не уйду, пока не получу обратно своего слона, - прогрохотал Фалловэй. - Он привлекает в зверинец множество посетителей, и необходим мне для моего бизнеса, а кроме всего прочего, он принадлежит мне!

- Он здесь, мистер Фалловэй! - послышался за стеной чей-то приглушённый крик, и Беатрис с тревогой поняла, что хозяин зверинца послал своего человека в сарай на поиски Олли.

Воздух прорезал испуганный трубный звук. Олли выбежал из сарая и помчался в амбар, отчаянно ища защиты. Увидев Беатрис, он подбежал к ней и, дрожа всем телом, спрятался за спину девушки. Она обняла слонёнка, словно оберегая от опасности, и бесстрашно взглянула на мужчину с бычьим крюком, который направился прямо к ней.

- Я не отдам вам Олли, у вас он погибнет! - выкрикнула Беатрис.

- Вы - воровка! - проревел Фалловэй. - Я буду преследовать вас по суду!

Весь амбар мгновенно наполнился какофонией звуков: гости возмущались, цыгане с шумом втискивались внутрь, в то время как Олли громко трубил и кричал. Даже священник повысил свой голос в тщетном усилии, что его кто-то услышит.

Меррипен смотрел на хаос, царящий в амбаре с расстройством и яростью.

- Тихо! - прогремел он.

Все затихли. Даже слон.

- В течение следующих десяти минут, - грозно предупредил Меррипен всех собравшихся, - никто не должен двигаться, говорить или даже дышать. После полудня мы со всем этим разберемся. А пока же, любого, кто посмеет прервать церемонию, я окуну головой в самое грязное ведро, наполненное кормом для скота.

Уин взяла Кева под руку, они развернулись и вновь предстали перед священнослужителем.

Меррипен с надеждой посмотрел на священника, и тот продолжил:

- Берёшь ли ты эту женщину в законные жёны, чтобы жить вместе по законам Божиим в священном браке? Будешь ли ты любить её, утешать, уважать и не оставишь её в болезни и во здравии, и, отвергнув остальных, будешь ли хранить ей верность, пока смерть не разлучит вас?

- Да, - ответ Меррипена прозвучал тихо, но уверенно.

Священник задал тот же самый вопрос Уин.

- Да, - щёки девушки порозовели от счастья.

Уин и Кев продолжили обмениваться клятвами.

- ... в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, любить и лелеять... Этим кольцом беру тебя в жёны, моим телом я почитаю тебя ...

Наконец, Меррипен надел простой золотой ободок на палец Уин, и священник закончил церемонию:

- Тех, кого соединил Бог, да не разлучит человек.

И в этот трогательный, решительно не такой, каким он задумывался, но всё же очень романтический момент, Меррипен склонил голову, чтобы поцеловать свою невесту. Уин обвила Кева руками за шею, и он крепко прижал к себе молодую жену. Их взаимное счастье, словно солнечный свет, озарило импровизированную часовню.

Беатрис растроганно улыбнулась и вытерла набежавшие слёзы. Всё ещё прячась за её спиной, Олли весело размахивал фатой и радостно качал хвостом из стороны в сторону.

- А теперь, - сказал мистер Фалловей, - я забираю своего слона.

- Нет! - закричала Беатрис, и в отчаянии обвела глазами всю свою семью. - Они убьют Олли, точно так же, как убили его мать. Посмотрите на раны у него на шее, и ...

- Тихо, - сказал Меррипен, подняв руку в останавливающем жесте.

Не сводя пристального взгляда с Фалловэя, Меррипен замолчал, когда Уин приподнялась на цыпочки и что-то прошептала ему на ухо. Кев ласково ей улыбнулся.

- Всё, что пожелаешь, - пробормотал он.

Меррипен выступил вперёд и встал между слонёнком и мистером Фалловэйем.

- Мне кажется, моя жена, - он сделал небольшую паузу, словно пробуя на вкус последнее

слово, - хотела бы получить слонёнка в качестве свадебного подарка. А это означает, что мы будем вести переговоры относительно его цены.

- Я не собираюсь с вами торговаться, - сказал Фалловэй. - Это - единственный слон, который у меня остался, и...

- Кажется, вы меня неправильно поняли, - Меррипен спокойно прервал его гневную речь. - Я не спрашиваю вас, хотите ли вы вести переговоры, а сообщаю, что мы к ним уже приступили.

Мистер Фалловэй побагровел от негодования.

- Никто не смеет приказывать, как мне следует поступать. Вы знаете, кто я?

Он повернулся к стоящему рядом с ним мужчине с бычьим крюком и подал тому какой-то знак.

Но в ту же секунду Кэм схватил дрессировщика за запястье, резко вывернув ему руку, и бычий крюк с грохотом упал на пол из ослабевших пальцев мужчины.

Позади Беатрикс Олли захлопал ушами и издал рокошующий сдавленный звук, сильно напоминающий смех.

Фалловэй оказался загнанным в ловушку между Лео и Меррипеном.

- Вы слышали о принятом три года назад законе, который объявил преступной необоснованную и злонамеренную жестокость к животным? - спросил Лео. - Нет? Хорошо, зато я отлично о нём осведомлён, потому что вынужден был присутствовать на всех заседаниях Палаты лордов, когда вносились данные поправки. Если вы и дальше будете создавать нам трудности, то окажетесь настолько заняты защитой от судебного преследования, что вынуждены будете закрыть свой кровавый бизнес...

- Хорошо, - сказал Фалловэй, напуганный свирепым блеском в глазах Меррипена. - Я не против вести переговоры, но желаю получить справедливую цену. Это не дешёвый слон!

Беатрис вздохнула с облегчением. Олли подошёл, встал рядом с девушкой, и она утешительно погладила его по мягкому уху.

- Ты не вернёшься к ним, Олли. Теперь ты в безопасности.

Её сестра Амелия приблизилась к ним, не сводя удивлённого взгляда с Олли. Амелия осторожно протянула руку, погладила слона по лбу и с улыбкой заглянула в его ясные карие глаза.

- Какой замечательный дружок, - сказала она. - Я и не предполагала, насколько уместным и приятным может быть присутствие слона на свадебном торжестве.

- Амелия, - сказала Беатрис виноватым тоном, - я знаю, что не сдержала своего обещания, но...

- Подожди, - ласково прервала её Амелия, - Беа, прежде чем ты всё объяснишь, разреши мне кое-что сказать. Кэм посоветовал мне позволить тебе идти своим собственным путём, и он был прав. Ты не должна меняться, чтобы понравиться кому бы то ни было. Ты - это ты. И ты замечательная.

Амелия мягко улыбнулась:

- Всё, чего я хочу - это видеть тебя счастливой. А этого не случится, если ты будешь лишена возможности следовать своему сердцу.

Беатрис шагнула вперёд и обняла свою сестру.

- Я люблю тебя, - сказала она.

Они стояли, крепко обнявшись, а Олли пытался обхватить их обеих своим хоботом.

- Мы не оставим его у себя, - предупредил Лео. - Беатрис, ты должна будешь найти для него какой-либо заповедник или другое убежище.

- Да, разумеется. Какое-нибудь безопасное место, где Олли сможет жить вместе с другими слонами. Я думаю, он будет рад снова обрести семью.

Счастливая Беатрис повела слонёнка из амбара.

- Ну а пока... я уверена, нашим соседям понравится наблюдать за Олли, когда мы будем выходить с ним на прогулку.

Одетая в длинную белую ночную рубашку, со струящимися по спине светлыми волосами Уин вошла в спальню, где её ожидал Кев.

Вот и настала их первая брачная ночь.

И хотя Кев во всей его мрачной красоте уже давно был её возлюблённым, и Уин знала каждую частичку его тела, сейчас она ощутила приятную дрожь волнения.

Он снял рубашку, обнажив свой гладкий мощный торс, и отбросил её в сторону. Меррипен медленно скользнул взглядом по телу Уин, и в его глазах загорелся огонь страсти. Стоя около кровати, он властно протянул руку в требовательном жесте:

- Твои комнатные туфли!

«Что ж, он всё же собирается придерживаться своих цыганских обычаев», - подумала Уин с удивлением и толикой досады. Муж намерен поставить её туфли со своей стороны кровати, чтобы показать, кто является хозяином в семье. Отлично. Она позволит ему одержать эту символическую победу.

Хотя это ещё ничего не доказывает.

Уин сняла комнатные туфли и направилась к кровати, чтобы вручить их Кеву.

Она уже почти подошла к постели, когда внезапно обо что-то споткнулась. Остановившись, Уин рассеянно посмотрела на пол.

С её стороны кровати стояли большие мужские ботинки чёрного цвета.

Догадавшись, в чём дело, Уин посмотрела на мужа долгим, нежным взглядом, и её глаза заискрились от смеха.

- Но кто же будет главным?

Кев взял из рук Уин туфли, торжественно поставил их на пол и подошёл к жене.

- Мы будем меняться, - сказал он, сжимая её в крепких объятьях. Меррипен ласково согрел губы жены тёплым дыханием прежде, чем прильнуть к ним в горячем поцелуе.

- Сегодня - моя очередь.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.